

УДК 344.3

**ДЕЛО УРОЖЕНЦА ЛЕПЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ СУДЕ Г. ГРОДНО (ПО МАТЕРИАЛАМ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ В г. ГРОДНО)**

В. В. ОЛЕЙНИК

(Военная академия Республики Беларусь, Минск)

На основе архивных данных раскрывается роль и значение органов военной юстиции Виленского военного округа начала прошлого столетия в судьбах уроженцев белорусских земель, проходивших службу в Российской императорской армии. Предметом анализа выступают документы временного военного суда в г. Гродно, рассмотревшего уголовное дело о рядовом 102 пехотного Вятского полка Григории Оводне по обвинению его в неисполнении служебных обязанностей. При этом обращается внимание на отдельные биографические данные участников этого процесса, изучаются положения Воинского устава о наказаниях 1867 года и практика применения его третьего издания. Отмечается, что находящиеся на хранении в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно документы по исследуемому вопросу хоть и немногочисленны, но при этом дают возможность изучить некоторые аспекты проведения дознания и порядок рассмотрения уголовных дел в отношении нижних чинов, совершивших воинские преступления. Делается вывод о том, что данное дело может служить примером деятельности органов военного правосудия описываемого периода.

Ключевые слова: органы военной юстиции, временный военный суд, уроженцы Беларуси, нижний чин, архивные документы, уголовное дело, воинские преступления, микроистория.

Введение. Проведение объективных исследований по военной истории начала XX века, в том числе истории органов военной юстиции того времени, немислимо без непредвзятого изучения документов архивного хранения. Отсутствие стремления к проведению такого рода беспристрастных изысканий, характерное для отдельных авторов, изучавших в недавнем прошлом дореволюционный период деятельности военных судов, излишняя политизация данного вопроса, а также искажение роли и задач следственных и надзорных подразделений на последнем этапе существования Российской империи зачастую приводили к откровенной спекуляции и навязыванию не подкрепленной вескими аргументами точки зрения, исходя лишь из конъюнктурных представлений времени в отсутствие вдумчивого анализа источников, без малейшей попытки понять реалии соответствующей эпохи, особенно в региональном аспекте (см., например; Краковский, К.П. Царский суд против революционного движения на Дону в эпоху империализма / К.П. Краковский // Из истории революционного движения Дона и Северного Кавказа (1901-1917). – Ростов-на-Дону, 1984). Во избежание подобных ошибок нами предпринята попытка выявления соответствующих документов по доступным для отечественных исследователей архивным источникам.

Основная часть. Поиск необходимых сведений о деятельности военно-судебных органов Виленского военного округа, охватывавшего в последней трети XIX – начале XX веков, в числе прочих и территорию современной Беларуси, по сохранившимся материалам указанного периода приводит нас к выводу о том, что большая их часть находится на хранении в государственных архивах Российской Федерации и Литовской Республики. Вместе с тем, немногочисленные, но от этого не менее интересные фонды по вышеуказанной тематике можно обнаружить и на территории нашей страны. Так, в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБГ) в фонде «Временный военный суд в г. Гродно» находится на хранении «Дело Временного Военного Суда в г. Гродне о рядовом 102 пех. Вятского полка Григории Оводне по обвинению его в неисполнении служебных обязанностей» [1]. Документы данного дела содержат важные сведения о судьбе одного из уроженцев Лепельского уезда Витебской губернии, который в начале прошлого столетия был привлечен к уголовной ответственности по правилам действовавшего на тот момент Воинского устава о наказаниях.

Необходимо отметить, что Воинский устав о наказаниях (далее – ВУоН), введенный в действие 1 сентября 1868 года и впоследствии включенный в книгу XXII Свода Военных Постановлений 1869 года, явился долгожданным результатом затянувшихся в Российской империи законодательных работ по составлению правового акта, пришедшего на смену устаревшему Военно-уголовному уставу 1839 года. Начавшись еще в царствование императора Николая I, разработка проекта нового военно-уголовного кодекса заняла более 20 лет, и завершилась лишь при императоре Александре II. Данный устав, будучи неоднократно исправленным и дополненным, выдержал четыре официальных издания (в 1875 году – 2-е издание, в 1900 году – 3-е издание и в 1913 году – 4-е издание) и фактически просуществовал до гибели Российской империи в 1917 году (а на ее окраинах, например, в Эстонии действовал и после этого [2]).

Вместе с XXIII (Устав дисциплинарный) и XXIV (Военно-судебный устав) книгами Свода Военных Постановлений он составил его VI часть, представлявшую собой законодательную основу дореволюционного военного правосудия. ВУоН состоял из 5 разделов, при этом раздел II назывался «О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной» и содержал 13 глав.

Изучением материалов вышеназванного архивного дела установлено, что обвинительный акт «о рядовом 102 пехотного Вятского полка Григории Валентинове Оводне, он же Овадень» [1, л. 3-4], составленный 4 октября 1912 года в г. Вильне помощником военного прокурора Виленского военно-окружного суда подполковником Юрьевым* (им же был подготовлен список лиц, вызываемых в судебное заседание по настоящему делу), а также ряд других документов содержат следующие биографические и антропометрические данные подсудимого: «Григорий Валентинов Оводня происходит из крестьян Черствянской волости Лепельского уезда Витебской губернии, родился 21 января 1887 года, на военную службу принят 16 октября 1909 года, под судом не был, дисциплинарно наказан один раз» [1, л. 3об], неграмотный [1, л. 7, 8], уроженец дер. Сеньков-Рог [1, л. 28], хлебопашец, рост 2 аршина 6 5/8 вершков [1, л. 45об]. При этом, согласно административно-территориальному делению Российской империи в начале XX века, в состав Лепельского уезда Витебской губернии входила Черствятская (а не Черствянская) волость [4, с.113], что означает, вероятно, некорректное указание в деле данных о месте рождения этого солдата и объясняется особенностями ведения делопроизводства того времени, не исключающего неумышленных ошибок писарей различных учреждений. Также в деле встречаются следующие варианты написания его фамилии: «Оводня», «Овадень», «Оводно», «Авадень».

Военнослужащий обвинялся: «1) в том, что 28 августа 1912 года, на биваке полка при фольварке Озеранцы, он обругал в лицо площадной бранью подпрапорщика одного с ним полка Харитоновича, что предусмотрено л. б. ст. 101 кн. XXII С.В.П. 1869 года изд. 3; 2) в том, что тогда же и там же, он Овадень, умышленно нанес тому же подпрапорщику Харитоновичу ряд последовательных ударов, сначала скатанной шинелью, затем палкой и, наконец, кулаком, что предусмотрено л. в. 101 ст. кн. XXII С.В.П. 1869 года изд. 3» [1, л. 3]. Обстоятельства совершения данного преступления, одновременно вопиющие (поскольку шли в разрез с требованиями воинской дисциплины) и банальные (как имеющие прецеденты) с точки зрения военных реалий того времени, в то же время представляются любопытными для современного исследователя. Исходя из материалов дознания, проведенного по данному делу обер-офицером 102 пехотного Вятского полка штабс-капитаном Тереховым, эти обстоятельства в общих чертах заключаются в следующем.

Утром в конце лета 1912 года, в сырую погоду, желая просушить у огня промокшую от дождя форменную одежду, рядовой Овадень принес охапку соломы, которую собирался бросить в костер, разведенный в месте ночлега их роты. Проходивший в это время мимо фельдфебель (что примерно соответствует современной должности старшины) другой роты того же полка, подпрапорщик Харитонович, зная о распоряжении командования полка о том, что вся солома должна быть снесена к центру лагеря, и видя противоречащие этому указанию вышеописанные действия рядового, подошел к последнему и, толкнув его в нижнюю часть спины, грубо обратился к нему с требованием отнести солому к установленному месту. Овадень на данное замечание Харитоновича, не являющегося для него непосредственным начальником, сообщил, что солому эту он собирал сам, и будет ее использовать по своему усмотрению. Подпрапорщик, возмущенный ответом рядового, не желавшего выполнять его приказания, ударил последнего рукой в лицо, продолжая настаивать на исполнении своих требований. Ошеломленный такими действиями унтер-офицера, Овадень нецензурно выразился в отношении Харитоновича, который в ответ выхватил из ножен шашку и замахнулся ею.

Наблюдавшие за происходившим другие нижние чины роты испуганно закричали, пытаясь остановить фельдфебеля, который в данной ситуации имел физическую возможность ранить или даже убить рядового, однако никаких мер, чтобы предотвратить дальнейшее обострение конфликта, никто из них не принял. Тогда Овадень, взяв в руки скатку шинели с закрепленной на ней котелком, попробовал защититься, попав несколько раз Харитоновичу по рукам сначала скаткой, а потом поднятой с земли палкой. Затем, будучи обезоруженным, Овадень стал отмахиваться от Харитоновича, продолжавшего его бить, руками, при этом получил несколько ударов плашмя шашкой по спине. В это время привлеченный происходившим беспорядком штабс-капитан Летов подошел к дерущимся военнослужащим и остановил их, попеняв рядовому на его действия. При этом Овадень немедленно подчинился указанному обер-офицеру, а также «слезливо» пожаловался ему на действия Харитоновича.

Впоследствии поручик Смоляк, командовавший 2 ротой, подал командиру 1 батальона рапорт с кратким описанием произошедших событий [1, л. 31], который послужил основанием для назначения

* **Юрьев Федор Константинович** (05.11.1875-?) – подполковник (06.12.1908), помощник военного прокурора Виленского военно-окружного суда с 07.03.1907, кавалер ордена Св. Станислава III ст. (1908). Православный, женат, имел 1 сына. Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе, 1-м военном Павловском училище и Александровской военно-юридической академии, которую окончил по 1-му разряду. В службу вступил 01.09.1894, выпущен в 137 пехотный Нежинский полк [3, с. 1800].

и проведения по данному факту дознания (не исключено, что при этом не обошлось без «совета старшего товарища» – вышеупомянутого штабс-капитана). 14 сентября 1912 года материалы дознания командиром 102 пехотного Вятского полка были направлены военному следователю Виленского военного округа по Гродненскому участку [1, л. 47]. Однако военный следователь, получив их по возвращении из командировки 18 сентября 1912 года и не найдя в данных материалах по причине очевидности совершенного деяния оснований для проведения предварительного следствия, вернул их 20 сентября 1912 года в воинскую часть для направления в суд [1, л. 49].

Исходя из положений Военно-судебного устава, Высочайше утвержденного 15 мая 1867 г. и включенного в книгу XXIV Свода Военных Постановлений 1869 г., судебное преследование в военном ведомстве возбуждалось в исследуемый период военно-начальствующими лицами [5, с. 46]. Как отмечает российский исследователь Я.Н. Ермолович, влияние военного командования в уголовном преследовании проявлялось на всех этапах уголовного процесса, в том числе и в исключительном праве предания военнослужащих суду. При отсутствии согласия командира или начальника на возбуждение уголовного дела или предание суду военнослужащий не мог быть привлечен к уголовной ответственности [6, с. 43-44]. «По дознаниям о преступлениях и проступках, относящихся до нарушения обязанностей военной службы, совершенных военнослужащими без участия лиц гражданского ведомства и подсудных военно-окружному суду, в тех случаях, когда дело разьяснено с достаточной полнотой и преступление является настолько очевидным, что нет надобности в производстве предварительного следствия» [7, с. 152] командир полка имел полное право предать обвиняемого суду.

Поскольку дело данной категории было подведомственно военно-окружному суду [7, с. 141], 22 сентября 1912 года в Гродно рядовой Григорий Оводень, согласно установленному в военно-уголовном законе порядку [7, с. 184], командиром 102 пехотного Вятского полка полковником Чевакинским приказом по полку за № 267 (по судной части) предан Виленскому военно-окружному суду с содержанием под надзором в роте [1, л. 5]. 4 октября 1912 года военный прокурор Виленского военно-окружного суда полковник Шавров* направил для рассмотрения в Виленский военно-окружной суд данное уголовное дело, полагая рассмотреть его в Гродно [1, л. 2]. Дело было поручено рассмотреть временному военному суду в г. Гродно под председательством генерал-майора Бернацкого**.

Предваряя анализ вынесенного военным судом приговора, необходимо уточнить, что временные военные суды, предназначенные «для решения военно-судных дел в местах, отдаленных от города, где учрежден военно-окружной суд», открывались «Главным Начальником военного округа в определенных, смотря по расположению войск, местах округа, не менее двух раз в год в каждом пункте, и при том последовательно через каждые шесть месяцев, независимо от количества готовых к тому времени для рассмотрения дел» [7, с. 112]. Это положение закона не исключало открытия временных военных судов «и вне очереди, для безотлагательного, в особенно важных случаях, решения дел о преступлениях против военной дисциплины». Однако данная ситуация к таковым случаям явно не относилась.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо уточнить описание исследуемого фонда, предлагаемое путеводителем НИАБГ, который указывает, что «неспособность гражданского аппарата к борьбе с революцией толкало правительство на применение форм военного подавления, в результате чего были образованы временные военные суды» [10, с. 122]. Очевидно, что такая интерпретация сущности и назначения временных военных судов, чье появление было законодательно предусмотрено задолго до первой русской революции, является ошибочной, вызывает путаницу в описании архивных фондов и не дает возможности неспециалистам в узких вопросах военной юстиции получить хотя бы общее представление о реальном положении вещей и содержании имеющихся на хранении документов.

Вышеупомянутая статья 101 ВУоН входила в главу I «О нарушении воинского чинопочитания и подчиненности» раздела II, и пунктами, обозначенными литерами «б» и «в», соответственно, предусматривала, что: «Нижние чины, виновные в нарушении чинопочитания или подчиненности против фельдфебеля или унтер-офицера своего полка, ... смотря по степени вины, подвергаются: ... за преступления, означенные в статье 97 сего Устава, или одиночному заключению в военной тюрьме от одного до четырех месяцев, или переводу в разряд штрафованных; ... за преступления, означенные в статье 98 сего

* **Шавров Борис Владимирович** (04.03.1870-?) – генерал-майор (06.12.1912), военный прокурор Виленского (Двинского) военно-окружного суда (04.06.1912-1915), заведующий военно-судной частью при полевом управлении главнокомандующего армиями Северного фронта (19.09.1915-1917), кавалер орденов: Св. Владимира III ст. (1913), Св. Анны II ст. (1911), I ст. (28.02.1916), Св. Станислава II ст. (1909), I ст. (22.03.1915), жена – Вера Алексеевна (13.08.1869-23.05.1928) [8, с. 465].

**

Бернацкий Николай Николаевич (12.04.1860-13.01.1941) – генерал-майор (06.12.1908), военный судья Виленского военно-окружного суда с 21.03.1908, военный судья Двинского военно-окружного суда с 1915 года, кавалер орденов: Св. Владимира III ст. (1911), Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава II ст. с мечами (1907), I ст. (24.04.1915) [9, с. 147].

Устава, такой же потере некоторых особенных прав и преимуществ и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от одного года до двух лет» [7, с. 23–24].

В свою очередь, статьи 97 и 98 ВУоН предусматривали наказание за следующие деяния, соответственно: «за оскорбление начальника на словах, на письме или в печати, или же неприличным действием» [7, с. 22], и «за нанесение начальнику удара, или поднятие на него с таким же намерением руки или оружия, а также за всякого рода насильственное, или в высшей степени дерзкое против него действие» [7, с. 22-23], в том числе, в обоих случаях «когда сие учинено во время исполнения начальником обязанностей службы». При этом, разъяснениями к указанным статьям ВУоН предусмотрено, что «в случае же обращения к начальнику с бранными словами не требуется особого намерения оскорбить, а вполне достаточно сознания со стороны оскорбителя, что он произносит бранные слова и относит их к лицу присутствующего начальника» [11, с. 83]. Кроме того, отмечалось, что «всякое насильственное действие подчиненного против начальника, независимо от цели, с которой оно совершено, составляет нарушение чинопочитания и военной дисциплины» [11, с. 90], а также что «за нарушение чинопочитания против подпрапорщиков, переименованных из сверхсрочнослужащих чинов, нижние чины подлежат ответственности по 101-103 ст., а не по 96-98 ст.» [11, с. 98], как за преступление, предусматривающее более мягкое наказание.

Последнее обстоятельство дает нам основание утверждать, что подпрапорщик Харитонович, скорее всего, был назначен на должность фельдфебеля («высшее унтер-офицерское звание и должность в пехотных, артиллерийских и инженерных частях» [12, с. 80]) и ему присвоено соответствующее звание унтер-офицера, из числа сверхсрочнослужащих солдат по выслуге известного количества лет в должности взводного и после окончания курса войсковой школы для унтер-офицеров [12, с. 86]. О данной категории военнослужащих современный российский исследователь Скобликов С.В. отмечает, что «нравственные качества были невысоки и у самих унтер-офицеров. Часть из них тянулась к спиртному, что дурно сказывалось на поведении подчиненных» [12, с. 88]. На наш взгляд, это приводило к тому, что командирский авторитет таких младших начальников для нижних чинов того времени, с учетом сословного разделения общества, был гораздо ниже уровня старших командиров, немалая часть которых являлась дворянами, и в результате выливалось в различного рода межличностные конфликты. Это находит свое подтверждение и в нормах вышеописанных статей ВУоН, где за нарушение солдатами норм чинопочитания в отношении обеих категорий (обер- и унтер-) офицеров предусмотрено различное наказание.

Временный военный суд состоял из одного постоянного члена, командирского из наличного состава военно-окружного суда, в качестве председательствующего, и из временных членов, назначаемых корпусным командиром из офицеров подчиненных ему войск [7, с. 112]. Описываемое дело рассматривалось 27 октября 1912 года с 12 до 13 часов 45 минут в открытом судебном заседании временного военного суда в г. Гродно в составе председательствующего генерал-майора Бернацкого, временных членов: подполковниках 103 Петрозаводского пехотного полка Дроздовском и 171 пехотного Кобринского полка Арующевиче, капитанах 101 пехотного Пермского полка Ростовуеве и 102 пехотного Вятского полка Саросине, при участии помощника военного прокурора подполковнике Сниткине, помощнике секретаря Харискине, защитнике капитане Палий. В отношении последнего хотелось бы отметить, что защита подсудимых в военных судах того времени производилась кандидатами на должности по военно-судебному ведомству, состоящими при военно-судебных учреждениях империи [5, с. 45]. Свидетелями по делу вызывались: штабс-капитан Летов Иван Данилович, подпрапорщик Харитонович Александр Петрович, рядовые Кузнецов и Шут, унтер-офицер Буланов. В суд по различным уважительным причинам явились не все вызывавшиеся лица (в том числе отсутствовал Харитонович, переведенный к тому времени в другую воинскую часть).

Приговором, который вошел в законную силу 13 декабря 1912 года военный суд «Постановил: подсудимого рядового Григория Оводню, признанного виновным в оскорблении на словах и действием унтер-офицера своего полка перевести в разряд штрафованных и с потерей некоторых прав и преимуществ по службе, в ст. 52 той же XXII кн. указанных, отдать в дисциплинарные батальоны или роты сроком на один год и девять месяцев» [1, л. 21–22]. В разъяснение к данному приговору можно отметить, что потеря некоторых прав и преимуществ по службе заключалась в: «а) лишении унтер-офицерского или ефрейторского звания, б) в лишении приобретенного прежнею службою права на получение прибавочного жалованья, и в) в лишении права, исключая лишь случая отличного подвига, на получение знаков отличия впредь до прощения, установленным порядком, понесенного штрафа» [7, с. 12]. Что касается разряда штрафованных, то они могли «быть подвергаемы в дисциплинарном порядке наказанию розгами до 50 ударов, не удаляются преимуществ, беспорочною службою приобретаемых, и не могут быть производимы в унтер-офицеры или ефрейторы, не наряжаются в почетный караул, а также вестовыми и посыльными к начальствующим лицам, и не назначаются, ни при каких случаях, за старшего» [7, с. 93].

Хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на то, что действия рядового 102 пехотного Вятского полка Оводня были обусловлены противоправным насилием со стороны подпрапорщика Харитоновича, в соответствии с вышеописанными требованиями военно-уголовного законодательства его проступок был квалифицирован как оскорбление на словах и действием унтер-офицера того же полка. При этом, исходя из

материалов дела, в суде не исследовались ни мотивы, ни обстоятельства совершенного военным служащим деяния, ни его физическое и эмоциональное состояние в момент совершения преступления, ни агрессивное поведение фельдфебеля, фактически спровоцировавшего конфликт. Однако, на наш взгляд, поскольку суд не вышел за пределы установленного в законе наказания, и действовал в соответствии с имеющимися разъяснениями вышестоящих органов правосудия, это более связано с несовершенством действовавших в ту пору нормативно-правовых актов, чем с непрофессионализмом сотрудников органов военной юстиции, добросовестно, в большинстве своем, выполнявших свои служебные обязанности.

Данное положение характерно для описываемого этапа развития военно-уголовного законодательства Российской империи, которая находилась, с одной стороны, в стадии быстрого экономического роста, что говорит о достаточной прогрессивности ее законов, а с другой – в эпоху, требовавшую проведения кардинальных реформ в рамках тех правоотношений, которые сложились к тому времени в армии и на флоте. Дефицит внимания, уделяемого руководством российского государства осуществлению необходимых изменений, в том числе, в сфере регламентации военного правосудия в вопросах назначения наказаний, явился, на наш взгляд, одной из причин тех пагубных последствий, которые ожидали Россию во втором десятилетии XX века. И это с учетом имевшей место, по утверждению Сухондяевой Т.Ю., переработки Военного устава о наказаниях, в котором «несмотря на то, что общему изменению подверглось более половины всех статей, структура Устава 1916 г. осталась такой же, как и в Уставе 1875 г.» [13, с. 20].

Кассационную жалобу «подсудимого рядового 102 пехотного Вятского полка Григория Оводно на приговор о нем Временного Военного Суда в гор. Гродне» Главный Военный Суд 13 декабря 1912 года оставил без уважения [1, л. 24]. Приговор не был приведен в исполнение, «так как назначенный нижний чин находится в бегах» [1, л. 27], что свидетельствует о том, что, не дожидаясь вступления приговора в законную силу, солдат дезертировал из воинской части, и сведений о его поимке в деле не имеется. Решением Двинского Военно-Окружного Суда от 15 сентября 1917 года рядовой Оводень, находящийся в бегах, освобожден от наказания «со всеми его последствиями» на основании ст. 5 Отд. II Постановления Временного Правительства от 17 марта 1917 года «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» [1, л. 28].

В этой связи необходимо дополнить, что постановления Временного Правительства были «очень важным источником уголовного права в период от Февральской революции до Октябрьской революции» [14, с. 8]. Российский правовед Поцелуев Е.Л. также отмечает, что «в соответствии с Постановлением Правительства от 17 марта 1917 г. отменялись следующие наказания для арестантов и ссыльнопоселенцев: битье розгами, наложение оков и надевание смирительной рубашки» [14, с. 10], что он связывает с непродолжительной либерализацией уголовного и военно-уголовного законодательства после ликвидации монархического строя в России. Это позволяет сделать вывод о том, что многие военнослужащие избежали таким способом наказания за совершенные ими воинские преступления, в том числе, за нарушения воинского чинопочитания и подчиненности, что в военное время не могло не сказаться пагубно на общем состоянии воинской дисциплины и правопорядка в действующей армии.

Заключение. Таким образом, описанное уголовное дело, на наш взгляд, может служить примером деятельности органов военного правосудия изучаемого периода, включая такие образчики неадекватности, как непринятие мер для исключения случаев уклонения от отбывания назначенного судом наказания, о чем свидетельствуют иные исследованные документы обозначенного архивного фонда. Так, аналогичный побег бомбардира наводчика Цветкова, осужденного по делу в отношении нижних чинов 72-й сводной Артиллерийской бригады, имел место в ночь на 19 февраля 1906 года, уже после того, как он был приговорен к смертной казни [15].

Вместе с тем, работа по изучению судебных уроженцев Беларуси нуждается в продолжении с привлечением более широкого круга архивных источников, что в последующем позволит представить объективную картину деятельности органов военной юстиции и жизни нижних чинов в условиях дореволюционной армии и флота, а также осуществления правосудия в отношении них накануне Первой мировой войны. Это, в свою очередь, безусловно, изменит достаточно распространенные в свое время представления о безнаказанности и беззаконии, процветавших в вооруженных силах указанной эпохи, что, конечно, далеко от истины и во многом уже опровергается изученными нами документами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). – Ф. 1379. Оп. 1. Д. 2.
2. Военный устав о наказаниях (С.В.П. 1869 г., XXII, изд. 4), разъясненный решениями Правительствующего Сената и Главного Военного Суда, приказами по Военному Ведомству, циркулярами Главного военно-судного управления и проч. по 1 марта 1917 г. / Сост. А.Г. Дадашев. – Ревель, 1923. – 340 с.
3. Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1909 г. – С.-Пб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1909. – 2350 с.
4. Волостные, станичные, сельские, гминные правления и управления, а также полицейские станы всей России с обозначением места их нахождения. – Киев : Изд-во Т-ва Л. М. Фиш, 1913. – 196 с.

5. Военно-судебный устав (полное издание), Высочайше утвержденный 15 мая 1867 года / Изд-е И.М. Погорелкина. – М. : В тип. Ив. Смирнова, 1868. – 447 с.
6. Ермолович, Я. Н. Развитие военного уголовно-процессуального законодательства в Российской Империи (1716–1917 годы) / Я. Н. Ермолович // Теория и история военного права. – 2017. – № 2. – С. 35–46.
7. Свод Военных Постановлений 1869 года. Часть шестая, – 3-е изд.. – СПб., 1900. – 312 с.
8. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721-2.03.1917). Т. III. Р-Я. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 597 с.
9. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721-2.03.1917). Т. I. А-З. / Сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – 622 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Путеводитель. – Гродно : Гродн. тип., 2016. – 388 с.
11. Воинский устав о наказаниях (С.В.П. 1869 г., XXII, изд. 4), разъясненный решениями Правительствующего Сената и Главного Военного Суда, приказами по Военному Ведомству, циркулярами Главного Штаба и Главного Военно-Судного Управления и проч. по 15 марта 1916 года / Д.Ф. Огнев. – 6-е изд., испр. и доп. А.С. Лыкошин. – Петроград : Комиссионер Военно-Учебных Заведений, 1916. – 358 с.
12. Скобликов, С. В. Повседневная жизнь нижних воинских чинов российской армии в 60-х гг. XIX – начале XX века (по материалам Западной Сибири) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Скобликов ; Алтай. гос. ун-т. – Барнаул, 2017. – 194 с.
13. Сухондяева, Т. Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX вв.) (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Т. Ю. Сухондяева ; С.-Пб. гуман. ун-т профсоюзов. – СПб., 2006. – 23 с.
14. Поцелуев, Е. Л. Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году / Е. Л. Поцелуев // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Право. – 2018. – Т. 9. Вып. 1. – С. 4–22.
15. НИАБГ. – Ф. 1379. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

Поступила 01.10.2019

**THE CASE OF A NATIVE OF LEPELSK DISTRICT OF VITEBSK PROVINCE
IN THE TEMPORARY MILITARY COURT OF GRODNO (ON MATERIALS
NATIONAL HISTORICAL ARCHIVE OF BELARUS IN GRODNO)**

V. OLEINIK

Based on archival data, the article reveals the role and importance of the military justice bodies of the Vilna Military District at the beginning of the last century in the fates of the natives of the Belarusian lands who served in the Russian Imperial Army. The subject of the analysis is the documents of a temporary military court in the city of Grodno, which examined the criminal case of Private 102 of the Vyatka Infantry Regiment, Grigory Ovodne, on charges of failure to perform official duties. At the same time, attention is drawn to individual biographical data of participants in this process, the provisions of the Military Statute on punishments of 1867 and the practice of applying its third edition are studied. It is noted that the documents on the issue under study, which are stored in the National Historical Archive of Belarus in Grodno, are not numerous, but at the same time they provide an opportunity to study some aspects of the inquiry and the procedure for considering criminal cases against lower ranks who committed military crimes. It is concluded that this case can serve as an example of the activities of the military justice bodies of the described period.

Keywords: military justice bodies, interim military court, natives of Belarus, lower rank, archival documents, criminal case, military crimes, microhistory.